



КУЛЬТ МЕДВЕДЯ В НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЯХ ЗАБОЛОТНЫХ ТАТАР

Гульсифа Такиюлловна Бакиева

ФГБНУ НИИ Республиканский исследовательский
научно-консультационный центр экспертизы, Москва, Россия
E-mail: gulsifa-bakieva@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена верованиям и обрядам сибирских татар, связанным с культом медведя. В труднодоступных селениях тобольского Заболотья был собран большой этнолингвистический материал различной жанровой принадлежности: сказки, легенды, предания, былички, устные рассказы об охоте на медведя, о народной медицине. Рассмотрение материала обнаруживает сложный комплекс представлений о медведе как о сакральном животном. В мировоззрении сибирских татар разных этнотерриториальных групп в прошлом бытовало почитание медведя как тотема. Это нашло отражение в представлениях о происхождении отдельных родовых подразделений от медведя – *аю тугум*. По поверьям, люди, относившиеся к роду медведя, не употребляли в пищу медвежьего мяса. Отражение представления о медведе как о тотемном предке, который может оказывать влияние на мир людей, выразилось в том, что различные части тела медведя служили для отпугивания злых духов и лечения. У заболотных татар отмечен сюжет о сожительстве медведя с женщиной, который имеется у других народов и представляет собой особую форму проявления тотемического культа. Представители других тугумов могли заключать с медведем договор о том, что зверь не будет трогать их род. Основываясь на внешнем сходстве, сибирские татары считали, что медведь происходит из человеческой породы. Охотники, специализирующиеся на охоте на медведя, пользовались особым отношением со стороны общества. Согласно традиции, после их смерти внутри могильной оградки ставили столб. По представлениям заболотных татар, он служил защитным знаком, оберегавшим могилу от разрушения медведем. В целом, можно сказать, что в почитании медведя у заболотных татар сохранились пережитки многих архаичных элементов ранних форм религии.

Ключевые слова: сибирские татары, тобольское Заболотье, культ медведя, тотемические воззрения, родовые подразделения, медвежья охота, народная медицина, обряды, обычаи, фольклор

Цитирование: Бакиева Г.Т. Культ медведя в народных традициях заболотных татар // Известия УФИЦ РАН. Серия: История. Филология. Культура. 2024. Т. 1. № 2. С. 139–147. DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.2.002>

UDC 398(=512.145)(571.12)

THE CULT OF THE BEAR IN THE FOLK TRADITIONS AND MYTHOLOGY OF THE SWAMPY TATARS

Gulsifa T. Bakieva

Federal State Budgetary Scientific Institution
Scientific Research Institute – Republican
Research Scientific and Consulting Center of Expertise, Moscow, Russia
E-mail: gulsifa-bakieva@yandex.ru

Abstract. The article discusses the beliefs and practices of the Siberian Tatar people related to the worship of the bear. It presents a rich collection of ethnographic materials from remote villages in the Tobolsk region, including fairy tales, legends, epic poems, and oral histories about bear hunting and traditional medicine. Through the analysis of this material, the article reveals a complex range of beliefs about the bear as a revered animal.

© Бакиева Г.Т., 2024.

In the worldview of the Siberian Tatars of various ethnoterritorial groups in the past, there was a veneration of the bear as a totem. This is reflected in the ideas about the origin of individual generic units from the bear – *ayu tugum*. According to beliefs, people belonging to the genus of the bear did not eat bear meat. The reflection of the idea of the bear as a totemic ancestor that can influence the human world was expressed in the fact that various parts of the bear's body served to scare away evil spirits and heal. The swampy Tatars have a plot about the cohabitation of a bear with a woman, which is available to other peoples and represents a special form of manifestation of a totemic cult. Representatives of other tugums could conclude a contract with the bear so that the beast would not touch their kind. Based on the external similarity, the Siberian Tatars believed that the bear originated from a human breed. Hunters specializing in bear hunting enjoyed special treatment from society. According to tradition, after their death, a pillar was placed inside the grave fence. According to the ideas of the swampy Tatars, it served as a protective sign that protected the grave from destruction by a bear. In general, it can be said that in the worship of the bear among the swampy Tatars, remnants of many archaic elements of early forms of religion have been preserved.

Keywords: Siberian Tatars, Tobolsk Swamp, bear cult, totemic beliefs, tribal divisions, bear hunting, folk medicine, rituals, customs, folklore

Citation. Bakieva, G.T., 2024, "The cult of the bear in the folk traditions and mythology of the swampy Tatars", *Proceedings of the UFRC RAS. Series: History. Philology. Culture*, vol. 1, no. 2, pp. 139–147. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.2.002>

Введение

Археологические, фольклорные и этнографические источники свидетельствуют о широкой распространенности культа медведя среди разных народов мира. Он имел обширный ареал, охватывал Скандинавию и Кольский полуостров, Северо-Восточную Европу, всю таежную Сибирь, Амурский край и таежную зону Северной Америки. Следы культа медведя найдены в Швейцарии, а в античную эпоху также во Фракии, в различных странах Малой Азии и в Тавриде [Васильев, 1948. С. 78]. Как отмечает А.Д. Столяр, «из всего многообразия первобытных культов медвежий культ – наиболее важная веха в культурной истории человечества, свидетельствующая «об интеллектуальном выделении человека из природы и становлении в его сознании картины мира» [Столяр, 1971. С. 145].

Почитание медведя широко распространено в традиционном мировоззрении большинства народов Сибири. Культ медведя прослеживается в археологических памятниках региона с эпохи неолита до средневековья и сохраняется вплоть до этнографической действительности [Окладников, 1980. С. 230–238; Соколова, 1995. С. 7–35]. Наиболее подробно изучены культ медведя и так называемый «медвежий праздник» у обских угров – хантов и манси. О них писали Н.Н. Харузин, Б.А. Васильев, В.Н. Чернецов, В.М. Кулемзин, З.П. Соколова, И.Н. Гемуев, Н.А. Гондатти, Т.В. Лукина и др.

У эвенков и других тунгусоязычных народов эта тема наиболее полно отражена в трудах А.Ф. Анисимова, Г.М. Василевич. Среди исследований культа медведя у якутов наибольший интерес представляют работы В.М. Ионова, В.Л. Серошевского, С.К. Колодезникова и др.; у бурят – работы М.Н. Хангалова, И.С. Цыреновой. Верования алтайцев и шорцев, связанные с медведем, освещены в работе Л.П. Потапова; хакасов – В.Я. Бутанаева, В.А. Бурнакова. Почитание медведя у народов Амура и Сахалина описано в работах А.В. Смоляк, Е.А. Крейнович, А.Б. Островского; у кетов – Е.А. Алексеенко. Медвежьему культу у русского старожильческого населения Восточной Сибири посвящены публикации А.М. Поповой, Г.С. Виноградова, Ф.Ф. Болоневой, Ф.Е. Фурсовой, Г.В. Медведевой.

Культ медведя распространен в культуре башкир, ближайшего родственного сибирским татарам тюркоязычного народа. Данной теме посвящены работы А.Ф. Илимбетовой, А.Н. Кирева, В.Г. Котова, М.Н. Сулеймановой.

Культ медведя у сибирских татар также освещался в этнографической литературе. В научных исследованиях И.И. Авдеева и И.П. Струковой [Авдеев, Струкова, 1937. С. 25], В.В. Храмовой [Храмова, 1956. С. 484], Ф.Т. Валева [Валева, 1976. С. 247] содержатся сведения об использовании медвежьих клыков и когтей в качестве амулетов от злых сил. Н.А. Томилов в одной из своих работ отмечает бытование у «заболотных» татар традиции выращивать на мясо медвежат и о поклонении убитому медведю [Томилов, 1993. С. 78, 81]. О некоторых особенностях почитания медведя у барабинских татар написано в работах А.Г. Селезнева [Селезнев, 1991; 1994]. Интересные факты, связанные с культом медведя у заболотных татар, в частности, о том, что у них имеется род медведя (*аю тухум*), который произошел от связи девушки с медведем, отметил Г.И. Еремин. Он также описал обычай «побратимства» с медведем [Еремин, 1972. С. 438].

Наиболее информативной является статья И.В. Белича, в которой автор рассматривает у заболотных татар обрядовые действия и церемонии, связанные с убитым на охоте медведем. Некоторые обряды И.В. Белич относит к элементам медвежьего праздника, которые, по его мнению, генетически восходят к евразийскому и отчасти к амуро-сахалинскому типам ритуального комплекса [Белич, 1999. С. 86–90].

Между тем краткий обзор этнографической литературы по культу медведя у сибирских татар показывает, что истоки особого отношения к медведю у сибирских татар не получили должного освещения и на сегодняшний день мало изучены.

В данной статье на основе полевых материалов автора, собранных у заболотных татар в 2000–2001 и 2020–2022 гг., рассматриваются представления, верования и обряды, связанные с медвежьим культом. Материалом для исследования стали фольклорные повествования различной жанровой принадлежности: сказки, легенды, предания, былички, устные рассказы об охоте и народной медицине.

В мировоззрении сибирских татар в прошлом бытовало почитание медведя как тотемного животного. Это нашло отражение в представлениях о происхождении отдельных родовых подразделений от медведя (сиб. тат. *айу туғум*, *бабай туғум*). Исследователи фиксировали наличие медвежьих родов у тобольских, курдакско-саргатских, ясколбинских и барабинских татар [Белич, 1989. С. 137; Еремин, 1972. С. 425; Селезнев, 1991. С. 135].

По нашим данным, родовые подразделения *айу туғум* имеются также в селах Большой Карагай и Бегитино Вагайского р-на, д. Уки Тобольского р-на, д. Ново-Атьялово Ялуторовского р-на [Бакиева, Квашнин, 2003. С. 86].

В исследованиях И.В. Белича отмечены представители нескольких фамилий в разных аулах Тобольского Заболотья, относящиеся к роду медведя: Абайдуллины, Кучумовы (с. Лайтамак), Янгучины (с. Ачиры), Хабибуллины, Садыковы (д. Иземеть), Кучумовы (д. Махли) [Белич, 1999. С. 87].

По нашим материалам, в с. Ачиры к роду медведя относили себя Нуминовы, Камалетдиновы, Мусины. При составлении генеалогических описаний этих фамилий выяснилось, что все они происходят от одного предка [Бакиева, Квашнин, 2002. С. 403; Бакиева, Квашнин, 2003. С. 87]. В д. Янгутум к *айу туғум* со стороны бабушки относит себя Г.А. Хамраева. В д. Иземеть к роду медведя относились представители двух групп семей. Первая включала фамилии Юнусовых, Садыковых, Хамзиных, Шугуровых. Изучая родословные этих фамилий, нам удалось установить, что все они находятся в родстве между собой. Вторая группа семей включала представителей двух фамилий – Турышевых и Аллагуловых, которые также родственны между собой.

Приведем отрывок из рассказа Х.А. Кульмаметьевой, уроженки д. Иземеть:

Инәм йахтан та нес айу тогом, ата йахтан та айу тогом. Карим олатам тоже Ләңченең пулган, инәмнең олатасы пулаты инте. Әмин олатам тоже Ләңченең пулган, Хафият Аллагуловның олатасы, минең олатам пер тоуганнар алар. Пран кругом тоуган нес.

Перевод:

Со стороны мамы мы медвежий род и со стороны отца тоже. Мой дедушка Карим был из Иземети, он дедушка моей мамы. Дедушка Амин тоже был из Иземети, дедушка Хафията Аллагулова и мой дедушка – родные братья. Мы кругом все родня.

Отношение к медведю как к мифическому первопредку отражено в фольклоре заболотных татар. В д. Вармахли удалось записать сказку, которая повествует о сожительстве девушки с медведем. Приведем эту сказку полностью (инф. Ф.Х. Тимергалеева):

Пер пицәнең икке кысы пулган. Перәүнең исеме Тукмах, икенчесенең – Әселцәх. Пер вахыт инәсе кысларын йылгага сыу алгалы ивәргән. Йылга аултан йырагырак пулган имеш. Йылгата пылар тартышып-этешеп китхәннәр. Әселцәх тайышыф, сыуга төшөф китхән тә, цумкан. Айу авышка төгө кыртан күрөп торган. Тукмах инәсенә сыхтаф, йөгөргән. Инәсе пелән йылгага төшхәннәр. Инәсе сыктайт йән: «Өстөңтәге күлмәгеңне кемнәр кейәр, Әселцәх?». Әселцәх сыутан тауыш пирәт йән: «Тукмах кейәр, инәкәү». Инәсе тагын сыуга карап сурайт йән: «Йаулыгыңны кемнәр пәйләр, Әселцәх?» Сыутан тауыш: «Тукмах пәйләр, инәкәү».

Пылар сыхтаф-сыхтаф, өйләренә цыгыф китәтләр йән. Айу авышка ул йергә, кайта кыс цумкан, парат та, әйтәт йән: «Өстөңтәге күлмәгеңне кемнәр кейәр, Әселцәх?». Әселцәх сыутан әйтәт йән: «Тукмах кейәр, авышха». Айу авышха тагын сурайт йән: «Йаулыгыңны кемнәр пәйләр, Әселцәх?» Әселцәх сыутан күрөнеф, әйтәт: «Тукмах пәйләр, авышха». Өңөңгә Әселцәхнең сыутан пашы күрөнкәнтә, айу авышха сүрәф алат йән кысны. Сүрәф алыф, Әселцәхне өйөнә алыф китәт.

Алар пергә йәшәф китәтләр, паллары тыуаты. Аңа исем пирәтләр – Кармыш. Ницәмә йыллар үтеф китәт. Пер вахыт Әселцәх айу авышхасына әйтәт: «Мин туганнарға сагынтым, палам пелән песне пушат. Осакка түгел, күрөшөп, кире киләвес», – тигән. Айу авышха күнкән. Агацтан тәртнә йасаган та, паласын аңа утысхан. Туганнарына аулга инәле-палалы китеф калганнар. Кән вахыт үтмәгән, пер саман агырыу тауыш: «Айу авышханы үлтергәннәр, айу авышханы үлтергәннәр!» Әселцәх өйөннән

йөгөрөф ыҥхан та, айу йанына, йертә йатхан, парған. Үсенең авышхасын танып, ағырыф сыхтаф парған.

Перевод:

У одной женщины было две дочери. Одну звали Тукмак, другую – Асельцак. Как-то мать послала их на реку за водой. Река находилась далеко от деревни. Стали они друг друга толкать, Асельцак упала в воду и утонула. Заплакала Тукмак, побежала к матери, рассказала о том, что случилось. Пришли они с матерью к реке. Мать плачет и приговаривает: «Кто теперь будет твоё платье носить, Асельцак?» А из воды голос: «Тукмак будет мое платье носить, мама». Мать опять: «Кто теперь твой платок будет носить?» Из воды голос Асельцак: «Тукмак будет мой платок носить, мама». Дядюшка медведь подошел к тому месту, где упала девушка и тоже стал приговаривать: «Кто теперь будет твоё платье носить, Асельцак?» А из воды голос: «Тукмак будет мое платье носить, дядюшка». Медведь опять: «Кто теперь твой платок будет носить?» Из воды голос Асельцак: «Тукмак будет мой платок носить, дядюшка». В это время девушка показалась из воды. Медведь вытянул ее из воды и унес к себе домой. Стали они вместе жить. Вскоре родился у них сын – Кармыш. Прошло несколько лет. Как-то Асельцак говорит Медведю: «Я соскучилась по родным, отпусти нас с сыном домой. Побудем немного, увидимся с родными и обратно вернемся». Медведь согласился. Сделал санки для сына. Асельцак посадила сына на санки, и отправились они в деревню к родне. Прошло немного времени после того, как Асельцак с сыном пришли в деревню. Однажды они услышали на улице крики: «Медведя убили, медведя убили!» Выбежала Асельцак из дома, видит, лежит мертвый медведь. Узнала своего мужа Асельцак, запричитала, заплакала она горькими слезами.

Сюжет о сожительстве медведя с женщиной зафиксирован у многих народов и представляет собой особую форму проявления тотемического культа. Заболотные татары свое родство с медведем выводят из предания, согласно которому кто-то из их бабушек или прабабушек вскормил грудью медвежонка.

О том, как бабушка нашей информантки Х.А. Кульмаметьевой 1940 г.р. вскормила медвежат, приведем рассказ ниже:

Өннәмнең исеме Пасила ите. Өнә ул Пасила өннәм, инәмнең инәсе, айу паланы та имесхән. Кайтан килгән охотникларны тә пеләтләр ит. Өнәтә атхан инәләрен, иккә айу пала йетем калган. Аларны ошлаганнар та алып кайтханнар. Анхайтыф парышын каты сыхтайтлар йән, каты ағырайтлар йән. Имесхәле палалы пицәләрне эстәгәннәр. Палалы пицәләрне перәйентә иммәгәннәр. Өннәм аларны ишех алтына, өйнәң эченә пушатхансың, әле айу паллар өннәмнең алтына үсләре утырыф куйганнар. Аны ницек имесхәле, алар йырттып имәте куй, аның тырнах куй. Анасын брезент, иккә тишех тишехәннәр эммага, ул иккә тишехтә эммань күрсәтеп, айу палларны алай имесхәннәр. Айу пала инте йырттыф имхәннәр, айу паллар сыхтаф килеф имхәннәр. Имхән цахта каты сыхтайтлар йәнте. Өннәмнең көләкләре пөтөннәй күс йәш пулган. Өннәм әйтеп имескән имеш, туыгына утысхан цахта, йете пуынымаца, теймәрсес, тип.

Перевод:

Мою бабушку Фасиля звали. Вот она, мать моей мамы, кормила медвежонка. Раньше даже знали, откуда охотники пришли. В берлоге убили медведицу, два медвежонка сиротами остались. Их поймали и домой унесли. Когда их несли, они очень громко плакали, громко кричали. Искали женщин, которые грудью кормили. Но медвежата не хотели прикладываться к груди ни к одной из кормящих женщин. Моя бабушка впустила их к себе во двор, дом. И эти медвежата сами на колени к бабушке сели. Но как их кормить, они же когтями царапаются, когда грудь сосут. Поэтому взяли брезентовое полотно, прорезали дырочки для сосков, вот так кормила наша бабушка этих медвежат. Медвежата, когда сосали молоко, плакали сильно. У моей бабушки все платье было мокрым от их слез. И бабушка, когда кормила медвежат, якобы сказала им, чтобы они до седьмого колена не трогали ее потомков.

Информанты отмечали, что действительно, тот «договор», который был заключен между женщиной и вскормленным ею медведем о том, что зверь не тронет их род, в дальнейшем всегда соблюдался. Со слов Г.А. Хамраевой, несмотря на то, что ей и другим ее родственникам, которые ведут свое происхождение из медвежьего рода, приходилось не раз видеть в лесу медведей, не было ни одного случая нападения зверя на них. От своей бабушки она слышала, что при внезапной встрече с медведем женщине необходимо оголеть грудь, чтобы медведь понял, что перед ним его родственник, которого нельзя трогать.

По сведениям наших информантов, медвежат, которых приносили из леса, какое-то время содержали в семье кормилицы, а потом отпускали на волю. Интересное дополнение к данному факту дается в статье Г.И. Еремина. Он пишет, что когда «медвежонка выпускали в лес, ему на шею привязывали голубую ленточку, которая выполняла функцию оберега “от дурного глаза” и служила опознавательным знаком, чтобы охотник случайно не подстрелил его». Такое явное «обнажение» тотемной сущности медведя, как «кормление» его грудью, «усыновление» всем родом, встречается у кетов Енисея и у нивхов Амура [Еремин, 1972. С. 438–439].

У заболотных татар было широко распространено поверье, что люди, относившиеся к роду медведя, не употребляли в пищу медвежьего мяса. По их представлениям, нарушить данный запрет можно только в исключительных случаях. Как рассказала Х.А. Кульмаметьева 1940 г.р., она однажды нарушила табу:

Менә песнеңке тогом ицкацан айу ит имәгән имене. Мин менә пә Чулпаныма корсахлы цахта, күрше өц айу атыф килгән ите. Кереп парам аларга, оло касанта айу ит пешереп куйганнар касаныхта. Ул хәтәрле ит йыс урамка цыхкан! Ул өйнөн эссе Хосникамал апайым, мәрғум кеше: «Ашагың килсә, пер кисәк алып аша», – тите. Кысың, тите, сәгип тоумасың. Көчхәнә пармак паи кисәх, кисеф алыф, пер цәйнәм цәйнәтем. Кешенең ашагысы килгән нимәнә ашамасаң, пала сәгип тоуаты имене. Аны пелеф куйган.

Перевод:

Вот из нашего тугума, оказывается, никогда медвежатину не ели. Когда я была беременной моей Чулпан, сосед трех медведей подстрелил. Вхожу к ним, а у них в большом казане медвежатина сваренная. На улице такой запах сильный от мяса! Хозяйка этого дома, Хосникамал-апай, покойная уже, говорит: «Если хочешь, возьми и съешь кусочек, ребенок чтоб не родился с изъяном». Я отрезала маленький кусочек, съела его. Говорят, если женщина не поест того, что она захотела, то ребенок с физическим изъяном родится.

Представителям рода медведя нельзя было охотиться на этого зверя. Существует поверье о том, что на медведя не охотились и представители других родов, которые якобы когда-то заключили «договор» с медведем. Одно из таких преданий мы записали от уроженца д. Вармахли З.С. Талипова:

Песнең төп-олаталарым охотниклар пулганнар. Алар айу та атыиханнар. Абусагит олатам соңкы та айуга парганта, аңа йөс йәш пулган. Иккә паласы аның пулган. Аларга әйтхән: «Мин менә өнө таптым, мин алтарак китерем цаңкы та, сес иртәгә китерсес, соңырак парырсыс». Киткән ул. И мылтык осечка пиргән, и айу мыңа атылган. Паллары йетеп калган. Имене олатама айу колагына иэпишаган: «Мин сине тере калтырам, син минең туганнарымны кән үлтерсәң тә, мин сине тере калтырам. Мине кәсер үлтерерләр, мин аны пеләм. Но мынан айуга теймәсеннәр. Сес песхә теймәсәгес, пес сесхә теймәйвес. Анасын песнең алай китте поколениялар: кем песнең тогомнан үлтерәте айуны, ул кырык йәштән артык йәшә алмайте, үлеп утырат.

Перевод:

Наши прадеды были охотниками. Они и на медведей охотились. Деду Абусагиту, когда он в последний раз на медведя пошел, было сто лет. У него два сына было. Он им сказал: «Я берлогу нашел, я раньше вас пойду на лыжах, а вы завтра подойдете». Пошел. Но ружье осечку дало, и медведь набросился на него. Сыновья еле успели. Как будто медведь деду в ухо сказал: «Я тебя оставлю живым, хотя ты моих родственников много убил. Меня убьете, я это знаю. Но впредь вы нас не трогайте, и мы вас не будем трогать». После этого так и пошло в нашем роду: кто из нашего рода убивает медведя, тот дольше сорока лет не живет, умирает.

Поверье заболотных татар о том, что медведь происхождением из человеческой породы, основывается на внешнем сходстве. Действительно, если снять с него шкуру, голову отрубить, то медведь на мужчину похож, а медведица – на женщину [Белич, 1999. С. 87].

Сходство человека и медведя, по поверьям заболотных татар, проявлялось и в умственных способностях этого животного; считается, что медведи понимают речь человека, они обладают хитростью, могут предвосхищать действия человека, мстительны. О способностях медведя встречаются такие высказывания:

Айу имене кешенең уйын пеләте имене, айуга мылтык эсерләп цыхсалар, айу атхалы китәт кеше, әнә аны та пеләте имене, ул вахытта ул тырнахларын эсерләп куйат имене.

Перевод: *Говорят, медведь обладает способностью читать мысли человека, когда человек готовит ружье против него, медведь заранее об этом знает, он заранее подготавливает свои когти.*

Или: *Айу, әйтәтегеннәр пескә картлар, айу пөтөн нәрсәне эшетеп утыраты. Пөтөн кыймылтавысны, уйларывысны, нийәтләревесне, ул пөтөн нимә пелеп утыраты... Пулган случайлар, махтанып цыгып киткәннәр, мин айуны пелай кылам, ике айу пулса, пылай кылырым, тип. Но анасын ул, айу, аларны точно алай ук кылган.*

Перевод:

Нам старики говорили, что медведь все слышит. Все наши движения, мысли, намерения он знает наперед. Были такие случаи, когда люди хвастались, что с медведем они так-то и так-то поступят. Но затем случалось все наоборот, медведь с ними так обходился.

Более подробно об умственных способностях медведя, о его действиях в отношении человека рассказал З.С. Талипов 1964 г.р.:

Айу нападать кылат, если кеше, айуның йаратмайтыгын нәрсәсе, как и кешенеңке, паиштак кешене йаратмайты ул, септехне йарайтмайт. Например, мин күлтә йәшәйем. Мин палых үтләйем. Палых үтләтем тә, мин үсемнән суң алып ташламасам, айу киләт. Ул обязательно, остатоклары ашагалы

киләте ул. Килгән цагынта, ул еше сиңә тә йәне көйә пашлайты, ник син алай кыйлантың, сиңең асықларның ул имәсәтә, ул кутарып ташлайты. Сиңең бураның пар йәнте, ул пеләте аныңқы кайсы йагына сыйан кылгалы. Бензин бакны йыртып ташлайты, кеше бензинсыс ицкалай киталмайты. Антай случайлар кән. Особенно суңқы йыллар. Мин үсемнең палларыма әйтәтеген, пер күс шикалад кагасны калтырсагыс, айу аны пиш цагырым расстояниятан тойат йысын. Ул мынта киләт, как будто анта ашамных тип уйлап киләт, килсә мынта кагас кына йатат. Йысын ул тойаты куй. Ул йәне көйәт. Пиш цагырым расстоянияны, сасны йөсөп цыгаты. Анасын ул сескә мститъ кылат. Как ул мститъ кылат? Ул сесең йулыгыста, ул отследит сесе, нимә сес эшләйсес, питлә салсагыс, ул питләне кырга кутарып ташлайты ул, кырга сүрәп ташлайты, йыртып ташлайты пөтөннәй. Пураныгыс пулса, пураныгысны та, цийә капчыкларыгысны пулса, аларны, косок капчыкларыгысны йыртып ташлайты, таратып ташлайты. Ул кешләртән пашлырак и мстительныйрак.

Перевод:

Медведь нападает, если человек делает то, что не нравится ему. Он не любит неаккуратных людей, грязь. Например, я на озере нахожусь. Чищу, обрабатываю рыбу. Если я за собой не убираю, то медведь придет. Он обязательно придет есть остатки. Когда он идет, он уже начинает злиться, зачем ты так сделал. Если он твою еду и не будет есть, но все разворошит. Если у тебя «Буран» (снегоход), то он знает, как навредить. Бензиновый бак раздерет, человек никуда не сможет поехать без бензина. Таких случаев много. Особенно в последние годы. Я своим сыновьям говорил, если вы оставите обертку от шоколада, то медведь за пять километров чует запах. Он сюда придет, думая, что здесь еда есть, приходит, а здесь только обертка лежит, запах ведь он чует. Он начинает злиться. Он же пять километров по болоту сюда идет. И он начинает мстить вам. Как он мстит? Он идет по вашим следам. Если вы фитили ставите, он их вытаскивает и на берег выбрасывает, рвет их. Если «Буран», то и «Буран», если мешки с ягодами, мешки с шишками – все это медведь разорвет и то, что внутри них, разбрасывает. Он умнее людей и мстителнее.

Сакральность медведя у заболотных татар проявляется в запрете произносить слово *айу* ‘медведь’. Повсеместно у заболотных татар по отношению к нему используются термины «*пабай*, *бабай*» – дядя и «*авышка*» – старик. По мнению И.В. Белича, «в данном речевом этикете, сходным с “обычаем избегания”, актуализировались не столько статус старшего “родственника” человека, сколько нормы диалога с обитателем “иног” мира, встреча с которым была опасна и нежелательна» [Белич, 1999. С. 87].

О том, что для заболотных татар медведь – священное животное, свидетельствует тот факт, что в прошлом у заболотных татар клятва осуществлялась на медвежьем черепе (Х.А. Кульмаметьева, д. Иземеть). По материалам И.В. Белича, процедура клятвы над черепом медведя происходила следующим образом: подозреваемый в совершении преступления должен был принародно разрубить череп топором или ножом и отрицать свою вину, апеллируя к медведю, и произносил такие слова: «Я не крал. Если я украл, то пусть мне медведь голову оторвет» [Белич, 1999. С. 89]. В настоящее время в Заболотье, хотя уже и без черепа, мужчины продолжают использовать аналогичную формулу клятвы – «*Тәскә цыксам – айу пашымны йыртсын*» (перевод: «Когда в лес пойду, пусть медведь мою голову раздерет»).

Отражение представления о медведе как о тотемном предке, который может оказывать влияние на мир людей, выражалось в том, что различные части тела медведя служили для отпугивания злых духов, лечения и т.п. Для отпугивания нечистой силы, в особенности от младенцев, заболотные татары использовали когти медведя (сиб.тат. *тырнахлар*), зубы (сиб.тат. *асыу тешиләр*), которые вешали на люльку (сиб.тат. *цәңкелцәх*). Для лечения бронхита, изнурительного кашля, при болезни горла использовалась желчь (сиб.тат. *үт*). При болезни горла брали небольшой кусочек желчи, клали его в воду, чтобы из нее вышла горечь, и давали пить больному. При кашле также мазали желчью шею и грудь. В лечении туберкулеза использовался жир с лапы медведя.

Культурная значимость медведя у заболотных татар ярко проявляется в рассказах об охоте на медведя. Почти в каждой деревне Заболотья нам приходилось слышать семейные истории о том, что в их роду были предки, которые «ходили» на медведя, о том, что на их счету десятки убитых медведей. Например, наша информант из д. Янгутум сообщила, что ее предок Махмут убил 60 медведей. На медведя ходил и другой ее прадед Тусмухамет (инф. Г.А. Хамраева, д. Янгутум). В д. Топкинбашево охотником на медведя был предок Г.М. Янабаевой, родной брат ее бабушки. Во время нашей первой поездки в Заболотье в 2001 г. в с. Ачиры нам удалось побеседовать с охотником Шарифуллой Турышевым, который за свою жизнь убил больше 40 медведей.

Охотники, специализирующиеся на охоте на медведя, пользовались особым отношением со стороны общества. Согласно традиции, после их смерти внутри могильной оградки ставили столб (сиб.тат. *пагана*). По представлениям заболотных татар, этот столб служил также защитным знаком, оберегавшим могилу от медведя. Считалось, что без этого опознавательного знака медведь может разрушить могилу охотника. Вместе с тем нами получена информация о том, что в случае, если охотник убил за свою жизнь

очень много медведей (например, больше ста), тогда столб внутри могилы не остановит медведя, и он раскопает могилу и съест покойного.

В д. Янгутум мы записали легенду, в которой отражены некоторые древние представления о медведе (инф. Г.А. Хамраева):

Пы хэл күптэ пулган. Песнең мыннан аултан өң цагырым уйакка карагайта порнагы сиратывыс пар. Ул порнагы сиратта песнең йахшылар йататлар. Менэ мынта сират утырат аул йанывыстагына. Сират элех өң цагырым уйакта пулган. Ауылга йагын күммэгәннэр, йарамаган. Пер павай йэшэгән мынта. Ул павай көңлө пулган. Мынта уй сираттан тура пулган, менэ мынта түмән төшөф китхән, сираттан анта аның кырасы пулган. Пескэ кырларны пүлеф виргәннэр. Элех кеишлэргэ. Ул павай тың пулган. Ул айуны палта төңтэ пән үлтергән, сугыф. Мылтых пулмаган, палта төңтэ пән сужкан. Мынта айу кән пулган. Суға сүрэтэтеген йерентэ, павай айуны үлтерэт тэ, пашын цәнцмэ ваишларга элтереф хуйат йән. Пы айулар үңләнкәннэр. Пы павайнның хэле пөтхэц, палларына, алтты ма йете мэ паласы пулган, накас вирэт йән, – Мине, карагайга аппарыф, күмең. Павай миңэ үңле, – тите йән. Йете көн мине көтөрсөс. Павай килеф, мине касыф ашаф китмәсең. Менэ мынта карагайтан цыхкац, сират менэ мынтагына, уйга тотошат. Пы арата кенэ күмең, – тите йән. Паллары цэрэт пелән көтхән. Килмәйте йән павай. Аннан суң, йете көн үтхәннән суң, паллары сахлаф көтмэй паишлаганнар. Паллар көтмэй паишлагансың, улух көн павай касыв алыф, павайнның пашын уйакка цыгарыф, ашаф куйган. Аның өңөн, сиратывыс инте мынта пулган. Йакынтыгына.

Перевод:

Это произошло давно. От деревни нашей в трех километрах, там, где растут сосны, есть старинное кладбище. На этом кладбище наши святые похоронены. И совсем рядом с аулом есть кладбище. Раньше считали, что рядом с аулом нельзя хоронить, вот и хоронили там, в осиннике. Жил один старик в нашем селе. У него была своя пашня. В давние времена людям участок земли давали, там они хлеб сеяли. Его пашня была в низине, за нынешним кладбищем. Сильный был этот старик, обухом топора мог медведя убить. Ружья не было, убивал обухом топора. В этих местах раньше много медведей было. В том месте, где сохой боронил землю, старик убивал медведей, а их головы насаживал на острогу. Медведи затаили злобу на этого старика. Старик с годами постарел, силы стали покидать его. У него было шесть или семь сыновей. Вот он им дает наказ: «Похороните меня не в осиннике, где кладбище, а близко к деревне. Старик-медведь на меня в обиде. Как похороните меня, по очереди выходите сторожить мою могилу, чтоб медведь не раскопал меня». Умер старик. Похоронили его там, где указал отец, рядом с деревней. Сыновья по очереди семь дней выходили караулить могилу отца. Медведь не пришел. Но только сыновья старика перестали приходить на могилу, явился медведь, выкопал его и съел. Вот с того старика началось нынешнее кладбище.

О том, что местное кладбище находится около селения, нам удалось убедиться во время поездки в д. Янгутум.

Рассмотрим комплекс действий, связанных с охотой на медведя и ритуалами с убитым медведем. Как свидетельствует собранный нами материал, заболотные татары в основном практиковали «берложную» охоту на медведя. Обнаружив берлогу (сиб.тат. *өнө*), охотники (от 3 до 5 человек), взяв ружья (сиб.тат. *пасма мылтых, цахтырма мылтых*), отправлялись засветло в лес. На охоту брали обычно собаку, которая и открывала отдушину в берлоге (сиб.тат. *тыгыңных*). Медведя сначала будили. Самый опытный охотник подходил к самой берлоге и становился так, чтобы иметь возможность сразу выстрелить в зверя, едва тот покажется. Старались с первого выстрела попасть в голову или сердце, иначе разъяренный медведь становился крайне опасным и сам мог расправиться с охотниками.

Возвращаясь с добычей к селению, примерно за 300–500 м, охотники начинали стрелять из ружей. Для жителей аула это было знаком, что «медвежья голова идет» (сиб.тат. *айу паш килэт*). В ответ начинали стрелять из ружей мужчины села. Одновременно из домов выходили все остальные жители – и женщины, и старики, и дети. Из рассказа Г.А. Хамраевой (д. Янгутум):

Охотниклар айу атсалар, аулга йетмэй мылтых атышып паишлайтлар. Кеше уйлап куйат, айу паш килэт, пелеф куйат. Кеишлэр специально мылтыкка, ук салмайтлар, тәре, порох пелән зарядать итәтләр тә, порох пелән ататлар. Йугарга карап, мылтых атаваишлаганнар. Аулга йетмэй, мылтых атып паишлаганнар. Аларга каршы анасын пөтөн аул калыхта, кем мылтыхлы ир кеше пар, пөтөн ир кеше отора йөгөрөп цыгатлар. Аулта топ тә топ эргем. Йоклап йаткан йеревестэ пала-чагы пелән йылга пуйга йөгөрәтләр. Йылгага, аны встречать итеп, мылтых атышып йөгөрәтләр. Пөтөн калых, пөтөн пала-чага, көчкөнә палларны күтәрәп эргем йылга пуйга тороп куйатлар. Встречать итәвес набайны. Төн пулса ма төн, караңгы ма нимә мэ, кеишләр фонарь йактырып цыгатлар.

Перевод:

Не доходя до деревни, охотники начинают стрелять. Люди сразу думают, что «голова медведя идет». Люди ружье порохом заряжают, не пулями. Стреляют вверх. А им навстречу потом все мужчины, у кого есть ружья, тоже в ответ начинают стрелять и бегут навстречу охотникам. В

деревне только и слышна в это время стрельба. Люди просыпаются и вместе с детьми (маленьких детей держат на руках) бегут на берег. И все там выстраиваются, все медведя встречаем. Ночь-полночь, кто с фонарями идет.

Затем начинался следующий этап обрядовых действий. Войдя в селение, охотники останавливались, укладывали убитого медведя на деревянный помост. К нему начинали подходить жители аула. Из рассказа Г.А. Хамраевой:

Кеше парып күрешиятлар. Пабайны төсәтәп салатлар, пешем май, сыйыр майны, ыңайак тавага апарып, анасын пабайның пашына йагыу. Күриәсен, ылай пашыңны йышасың та, әйтәсең: «Пабай, пес кәйепле түгел, киңер песне. Песнең калыгывысны киңер, песнең ирләревескә, палларывыска, аталарывыска теймә, пес сине йаратавыс, көрмәтләйвес, сес пескә теймә». Усем тә йөрөгән мин. Усем тә кашымны йышып йөрөгән. Анасын ул майны калтырып куйатлар атхан кешегә, майны кисеп спайы итеп салатлар.

Перевод:

Люди идут посмотреть на него. Медведя выправляют. Из дома приносят масло сливочное на блюдечке. Затем каждый подходит к медведю и слегка смазывает маслом его голову. Наклоняясь к голове зверя, прикасаются лбом и говорят: «Мы не виноваты, прости нас. Народ наш прости. Не трогай наших мужей, отцов, детей. Мы тебя любим, уважаем». Я и сама так делала, смазывала лоб медведю. Оставшееся масло оставляли охотнику, который убил медведя.

По сведениям И.В. Белича, аналогичный ритуал проводился в доме охотника во время трапезы. Происходило это следующим образом: к лежащему на полу убитому медведю подходили по одному представителю от каждой семьи селения и смазывали ему морду сметаной или сливочным маслом, обращаясь к нему с такими словами: «Здравствуй, дедушка. Вот тебе, дедушка, я принес угощение. Ты никого из моих не трогай, если встретишь. Коров наших не трогай, если увидишь» [Белич, 1999. С. 89].

На следующее утро снимали шкуру с убитого животного и разделяли мясо на части, раздавая его всем желающим. Отдельно делили медвежье сало. Голову медведя насаживали на кол, шкуру медведя сушили прибитой к внешней стороне жилища. После того, как она полностью высохнет, убирали на чердак или в амбар.

Эти обрядовые действия и ритуалы заболотных татар, связанные со встречей с убитым медведем, имеют параллели с медвежьим праздником у других народов – башкир, обских угров, кетов, эвенков и др. Возможно, в прошлом у заболотных татар медвежий праздник включал более широкий круг ритуалов и был более продолжительным по времени.

Таким образом, анализ устных повествований о медведе, бытовавших у сибирских татар Заболотья, обнаруживает сложный комплекс представлений о нем как о священном животном, в совокупности определяемый как «культ медведя». В почитании медведя у заболотных татар сохранились пережитки многих архаичных элементов ранних форм религии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдеев И.И., Струкова И.П. Тобольские и тюменские татары (историко-этнографический очерк) // Омская область. 1937. № 4. С. 66–73.

Бакиева Г.Т., Квашинин Ю.Н. К вопросу о тугумах у «заболотных» татар // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: Изд. ОмГПУ, 2002. С. 402–404.

Бакиева Г.Т., Квашинин Ю.Н. Тугумы у некоторых групп сибирских татар (Тобольский, Вагайский, Ялуторовский районы Тюменской обл.) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Вып. 4. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2003. С. 85–87.

Белич И.В. Природа в доисламских верованиях сибирских татар // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: НГПИ, 1989. С. 133–140.

Белич И.В. К культу медведя у сибирских татар // Обские угры: Материалы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: Изд. ОмГПУ, 1999. С. 86–90.

Валеев Ф.Т. Обереги как пережиток доисламских верований у сибирских татар // Из истории Сибири. Вып. XIX. Западносибирский сборник. Томск: ТГУ, 1976. С. 244–249.

Васильев Б.А. Медвежий праздник // Советская этнография. 1948. № 4. С. 78–104.

Еремин Г.И. Доисламские верования «заболотных» татар Западной Сибири (к вопросу об этногенезе) // Вопросы истории СССР. М.: МГУ, 1972. С. 409–439.

Окладников А.П. Петроглифы Горного Алтая. Новосибирск: Наука, 1980. 140 с.

Селезнев А.Г. К проблеме тугума сибирских татар (на материале барабинцев) // Проблемы антропологии и исторической этнографии Западной Сибири / Отв. ред. Н.А. Томилов. Омск: ОмГУ, 1991. С. 133–145.

Селезнев А.Г. Барабинские татары: истоки этноса и культуры. Новосибирск: Наука, 1994. 176 с.

Соколова З.П. Общее и особенное в религии народов Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Традиционные ритуалы и верования. Ч. 1. М.: Ин-т этнологии и антропологии, 1995. С. 7–35.

Столяр А.Д. «Натуральное творчество» неандертальца как основа генезиса искусства // Первобытное искусство / Отв. ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1971. С. 118–164.

Томилов Н.А. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). Томск: ТГУ, 1993. 217 с.

Храмова В.В. Западносибирские татары // Народы Сибири / Под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М., Л.: Изд. АН СССР, 1956. С. 473–491.

REFERENCES

Avdeev, I.I., Strukova, I.P. 1937, “Tobolsk and Tyumen Tatars (historical and ethnographic essay)”, *Omskaya oblast’* (“Omsk region”), vol. 4, pp. 66–73. (In Russ.)

Bakieva, G.T., Kvashnin, Yu.N. 2002, “On the issue of tugums among the “swampy” Tatars”, *Tyurkskie narody: Materialy V Sibirskogo simpoziuma «Kul’turnoe nasledie narodov Zapadnoj Sibiri»* (“Turkic peoples. Materials of the V Siberian symposium “Cultural heritage of the peoples of Western Siberia”), Izd. OmGPU, Tobolsk-Omsk, pp. 402–404. (In Russ.)

Bakieva, G.T., Kvashnin, Yu.N. 2003, “Tugums among some groups of Siberian Tatars (Tobolsk, Vagai, Yalutorovsk districts of the Tyumen region)”, *Problemy vzaimodejstviya cheloveka i prirodnoj sredy. Vyp. 4* (“Problems of interaction between man and the natural environment. Iss. 4”), IPOS SO RAN, Tyumen, pp. 85–87. (In Russ.)

Belich, I.V. 1989, “Nature in the pre-Islamic beliefs of the Siberian Tatars”, *Kul’turnye i hozyajstvennye tradicii narodov Zapadnoj Sibiri* (“Cultural and economic traditions of the peoples of Western Siberia”), NGPI, Novosibirsk, pp. 135–138. (In Russ.)

Belich, I.V. 1999, “To the cult of the bear among the Siberian Tatars”, *Obskie ugry: Materialy II Sibirskogo simpoziuma «Kul’turnoe nasledie narodov Zapadnoj Sibiri»* (“Ob Ugry. Materials of the II Siberian Symposium “Cultural Heritage of the Peoples of Western Siberia”), OmGPU, Tobolsk-Omsk, pp. 86–90. (In Russ.)

Eremin, G.I. 1972, “Pre-Islamic Beliefs of the “Swampy” Tatars of Western Siberia (On the Question of Ethnogenesis)”, *Voprosy istorii SSSR* (“Questions of the history of the USSR”), MGU, Moscow, pp. 409–439. (In Russ.)

Khramova, V.V. 1956, “West Siberian Tatars”, *Narody Sibiri* (“Peoples of Siberia”), AN SSSR, Moscow–Leningrad, pp. 473–491. (In Russ.)

Okladnikov, A.P. 1980, *Petroglyphs of Gorny Altai*. Nauka, Novosibirsk, 140 p. (In Russ.)

Seleznev, A.G. 1991, “To the problem of the tugum of the Siberian Tatars (based on the material of the Barabians)”, *Problemy antropologii i istoricheskoy etnografii Zapadnoj Sibiri* (“Problems of Anthropology and Historical Ethnography of Western Siberia”), OmGU, Omsk, pp. 133–145. (In Russ.)

Seleznev, A.G. 1994, *Baraba Tatars: origins of ethnos and culture*. Nauka, Novosibirsk, 176 p. (In Russ.)

Sokolova, Z.P. 1995, “General and Special in the Religion of the Peoples of Siberia (late 19th – early 20th century)”, *Tradicionnye ritualy i verovaniya. Ch. 1* (“Traditional rituals and beliefs. P. 1”), Institut etnologii i antropologii, Moscow, 1995, pp. 7–35. (In Russ.)

Stolyar, A.D. 1971, “Natural creativity” of the Neanderthal as the basis of the genesis of art”, *Pervobytnoe iskusstvo* (“Primitive Art”), Nauka. Sib. otd-nie, Novosibirsk, pp. 118–164. (In Russ.)

Tomilov, N.A. 1993, *Problems of ethnic history (based on materials from Western Siberia)*. TGU, Tomsk, 217 p. (In Russ.)

Valeev, F.T. 1976, “Amulets as a relic of pre-Islamic beliefs among the Siberian Tatars”, *Iz istorii Sibiri. Vyp. XIX. Zapadnosibirskij sbornik* (“From the history of Siberia. Iss. XIX. West Siberian collection”), TGU, Tomsk, pp. 244–249. (In Russ.)

Vasiliev, B.A. 1948, “Bear celebration”, *Soviet ethnography*, vol. 4, pp. 78–104. (In Russ.)

Сведения об авторе

Гульсифа Такиюлловна Бакиева, кандидат исторических наук, ФГБНУ НИИ Республиканский исследовательский научно-консультационный центр экспертизы, Российская Федерация, г. Москва. E-mail: gulsifa-bakieva@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9303-3394

Information About the Author

Gulsifa T. Bakieva, Cand. Sc. (History), Federal State Budgetary Scientific Institution Scientific Research Institute – Republican Research Scientific and Consulting Center of Expertis, the Russian Federation, Moscow. E-mail: gulsifa-bakieva@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9303-3394